

— Лэй-е, я уже распорядился всеми этими тринадцатью тысячами лянов серебра, так что тебе лучше не зариться на них. Кроме того, хочу предупредить: через месяц я рассчитываю, что ты найдёшь средства, необходимые для запуска шахты. Мне вовсе не улыбается до бесконечности заниматься такими мелкими подрядами, как этот.

Как только собрание завершилось, Чжоу Сюэси разыскал Лэй Чжэня и сделал строгое предупреждение этому выглядящему вполне довольным собой местному богатею. Следом за ним к Лэй Чжэню подошёл недавно назначенный помощник управляющего — Дун Фухэ.

После неоднократных настояний Лэй Чжэня Чжоу Сюэси наконец перестал называть его по воинскому званию, однако тут же придумал другое обращение: Лэй-е.

Для молодого парня слышать, как его на каждом шагу величают господином-отцом, было как-то непривычно, но как бы ни регло это слух, распространялось новое прозвище с поразительной скоростью. Не прошло и нескольких дней, как — за исключением солдат в лагере — абсолютно все, от именитых особ в посёлке Кайпин до прежних техников и рабочих машинного бюро, при встрече с Лэй Чжэнем почтительно звали его не иначе как Лэй-е.

Неужели я и впрямь похож на главаря какой-нибудь бандитской шайки?

Мысленно вздохнул Лэй Чжэнь.

Подряд — дело хлопот хлопот не требует, но и размах тут не тот.

Неудивительно, что новые капиталисты вроде Чжоу Сюэси и Дун Фухэ, повидавшие заморские машины и знающие, как работают акционерные общества, ворчали на Лэй Чжэня. Если они и остались здесь, то лишь потому, что стремились претворить в жизнь свои идеалы, а идеалом этим было спасение страны через развитие промышленности.

Чтобы спасти родину с помощью индустриализации, необходимо было укреплять и расширять национальную промышленность Китая, а при такой цели подрядная система казалась слишком мелочной.

— Ладно, уважаемые помощники управляющего, можете не беспокоиться, вопрос с деньгами я непременно решу в самое ближайшее время. — Лэй Чжэнь потёр занывшие виски и сложил руки в почтительном жесте перед двумя преисподними презрения промышленниками. Когда он только обосновался в Кайпине, в его мыслях было лишь занять это богатое местечко, чтобы обеспечить пропитание своим войскам, но теперь эта мысль казалась ему уже как-то неловко озвучивать.

Если браться за реальное производство, деньги действительно становились огромной проблемой.

В эту эпоху существовало три пути привлечения капитала. Первый — обратиться к самым богатым иностранцам и позволить им выкупить долю в предприятии. Однако аппетиты у зарубежных гостей издавна были непомерными: их интересовало вовсе не простое получение дивидендов, им требовался реальный контроль над управлением. Так что этот путь можно было отместить сразу.

Второй вариант — чиновничье-купеческий капитал. Больше всего денег на дела «западной политики» имели провинциальные генерал-губернаторы и наместники, грабившие простой народ до нитки. Губернаторы и цзунду южных провинций, затевая заморские дела, держали себя с невероятным апломбом, но стали бы эти высокопоставленные чиновники смотреть на какого-то бродягу из смутного времени вроде Лэй Чжэня?

Оставался последний возможный вариант — частный народный капитал. Если бы Кайланьские угольные копи находились в относительно развитом экономически районе среднего и нижнего течения Янцзы или в дельте Жемчужной реки на юге, этот источник финансирования ещё можно было бы задействовать: при тех щедрых запасах, что таили в себе копи, алчные купцы наверняка не устояли бы перед соблазном и вложили свои капиталы.

Увы, ни одно из этих предположений не годилось.

Кайланьские угольные копи, расположенные неподалеку от Пекина и Тяньцзиня, находились слишком близко к политическому центру Китая — настолько близко, что здесь никак не могло звучать голосов, отличных от воли императорского двора.

Взять хотя бы Ли Хунчжана: хотя он и основал Кайпинское горнодобывающее управление, удержать право на его управление он так и не смог. Всего несколько лет назад князь Дуань Цзай И, сосредоточивший в своих руках высшую власть при дворе, отобрал бразды правления у опального цзунтана Ли, отправленного в две Гуандунские провинции. Он назначил управляющим своего доверенного лица Чжан И, положив начало собственному плану возрождения Цинской династии.

Однако способности Цзай И шли ни в какое сравнение с талантами Ли Хунчжана, да и назначенное им лицо оказалось куда слабее. В период правления Ли Хунчжана Тан Тиншу служил помощником управляющего в Кайпинском горнодобывающем управлении, и его заслуги были очевидны всем, в то время как этот Чжан И, похоже, не оставил после себя никаких иных заслуг, кроме дурной славы простофили, у которого британцы с американцами увели из-под носа права на управление. Впрочем, та смелость, с которой Чжан И впоследствии отправился в Лондон судиться с британскими торговцами ради возвращения предприятия, безусловно, заслуживала уважения.

Раз уж праведным путём идти не получалось, оставалось ступить на скользкую дорожку.

Переломав голову за несколько дней раздумий и так и не найдя толкового выхода, Лэй Чжэнь сменил ход мыслей и обратил свой недобрый взор на Ихэюань и имперскую казну Министерства финансов в Пекине. Ихэюань была заново отстроена на базе парка Цинъюань

по приказу Цыси после того, как союзники по Восьми державам разрушили и разграбили комплекс Сад трёх гор и пяти садов, куда входили Ваньшоушань с Цинъюанем, Юйцюаньшань с Цзинминюанем, Сяншань с Цинъюанем, Чанчунъюань и Юаньминъюань. На это строительство матушка-императрица пустила средства, предназначавшиеся для военного флота, и прочие казённые расходы. Сотни искусственных пейзажей и глубокий символический смысл делали этот сад образцом китайского императорского садово-паркового искусства, а сокровища внутри него громоздились целыми горами. Оставить все эти богатства на растерзание, расхищение и уничтожение наступающим войскам Альянса восьми держав было бы поистине непростительно.

Всё это — добро, оставленное предками. И раз уж старая карга Цыси не смогла уберечь семейное достояние, так лучше я, Лэй Чжэнь, заберу его первым! Во всяком случае, это куда лучше, чем отдать его чужеземцам.

А те более двух миллионов девятьсот тысяч лянов серебра в казне Министерства финансов? Ведь это были кровные деньги китайского народа! Прогнивший цинский двор умел лишь выжимать соки из простых людей, но не обладал силой защитить эти богатства, отчего сердце обливалось кровью при одном взгляде на них.

Решено: раз уж идти до конца, то почему бы разок не побыть разбойником? Если тщательно продумать план и точно рассчитать время, шансы на успех весьма велики.

Оказавшийся в стесненных обстоятельствах Лэй Чжэнь был готов пойти на всё. По его воспоминаниям, после захвата Тяньцзиня наступающие войска Альянса восьми держав из-за изнуряющей жары и густых зарослей гаоляна вдоль дорог продвигались с огромным трудом. Лишь к рассвету 14 августа они достигли внешних стен Пекина, а к вечеру 16 августа эта столица маньчжурской династии пала под ударами интервентов.

Если успеть опередить иностранцев в этот временной отрезок и явиться в Ихэюань, Министерство финансов, различные уездные управы и княжеские резиденции, то даже за день или за полдня можно было сорвать поистине огромный куш.

Взволнованный собственной грандиозной задумкой, Лэй Чжэнь проворочался без сна всю ночь. Подобно главарю банды, планирующему налёт, он с одной стороны вновь и вновь просчитывал осуществимость плана грабежа, а с другой — просчитывал возможные непредвиденные последствия.

Богатство и знатность обретаются в риске. Когда на следующий день петухи пропели в третий раз, Лэй Чжэнь наконец принял окончательное решение.

Прикинуться разбойниками и ограбить бабушку Цыси!

Примечание: Благодарю читателя по имени Летающий туда-сюда за указание на ошибку с Юаньминъюанем. Соответствующая глава уже исправлена, речь шла об Ихэюане. Маленькая Цзин запуталась, прошу всех простить меня!

Глава шестнадцатая: Старик желает разбогатеть

Войско ценят не за численность, а за выучку.

Командира ценят не за масштаб, а за бесстрашие, холодный расчёт и способность не теряться в экстренных ситуациях.

Определившись с предварительным планом налёта, Лэй Чжэнь решил отобрать подходящих людей среди военных, но прежде чем он успел что-либо предпринять, произошло непредвиденное событие.

— Наставник Лэй, скорее отправляйтесь в лагерь, командир батальона Сун и командир роты Ван сцепились не на жизнь а на смерть! — Ранним утром, едва Лэй Чжэнь успел проснуться и даже не переоделся, в комнату вбежал дежурный ординарец и взволнованно доложил.

Этот Сун Чжаньбяо снова взбеленился, ну и заноза же в заднице.

После десяти с лишним дней спокойного отдыха раны Сун Чжаньбяо почти зажили. Убойная сила винтовок маленьких японцев всё же оставалась весьма ограниченной: пуля оставляла спереди одно аккуратное отверстие, а сзади выходила наружу едва заметным круглым проходом. И хотя крови вылилось немало, вред от такого ранения был невелик, и если вовремя оказать помощь, пробитое насквозь тело не грозило смертью.

К этому отчаянному рубке из подчиненных Не Шичэна Лэй Чжэнь испытывал двойственные чувства: он одновременно восхищался его храбростью и бесстрашием и опасался его неукротимого нрава, ведь этот буйный военачальник в любой момент мог подкинуть какую-нибудь неразрешимую задачку.

— Прекратите немедленно! Вы же все свои люди, разве нельзя обойтись без драки? Обязательно кулаками махать? — Когда Лэй Чжэнь прибыл в военный лагерь, эта постыдная междоусобица как раз достигала кульминации. Одной рукой Сун Чжаньбяо вцепился в воротник одежды командира роты Ван Сицая, а другой крепко обхватил его за талию, явно собираясь приложить все силы и швырнуть противника оземь.

Если бы ему удалось провести этот бросок как следует, Ван Сицай провалялся бы на постели не меньше полумесяца.

— Тц, легко отделался, щенок! — Свирепо буркнув, Сун Чжаньбяо разжал руки, отряхнул пыль с одежды и продолжал сверлить Ван Сицая свирепым бычьим взглядом.

— В чём дело? Ну-ка докладывайте. Командир роты Ван, говорите первым! — Лэй Чжэнь бросил взгляд на обоих драчунов, похожих на бойцовых петухов, и постарался смягчить тон.

Хотя по воинскому званию он стоял примерно на одном уровне с ними — командир батальона,

наставник и командир роты занимали сопоставимые ступени, — именно Лэй Чжэнь вел за собой отряд при прорыве кольца окружения и получил личное поручение от Не Шичэна в критический момент. Это делало его в глазах окружающих бесспорным лидером бродячей армии.

Ни Сун Чжаньбяо, ни Ван Сицай не возражали против этого, ведь без Лэй Чжэня еще было бы бабушка надвое сказала, удалось бы им вообще вырваться из кровавого месива под Тяньцзинем.

— Я... — Лицо Ван Сицая покраснело, он долго мялся, но так ничего и не выдавил.

— Раз он молчит, я скажу! Наставник Лэй, этот сопляк задумал увести целую роту и сбежать в Лутай! Если бы я, Старина Пушка Сун, не спохватился вовремя, этот паршивец давно бы уже испарился! — разъяренно заорал Сун Чжаньбяо.

Побег!

И не один, а увод с собой целой роты — такое простить было невозможно. Лэй Чжэнь почувствовал, как волна жгучего гнева подкатилась от груди прямо к макушке. Его глаза уставились на притихшего и опустившего голову Ван Сицая так, будто готовы были извергнуть пламя.

— Командир роты Ван, вам нечего сказать в свое оправдание? — чеканя каждое слово, спросил Лэй Чжэнь. Он хотел услышать правду из первых уст.

— Наставник Лэй, командир батальона Сун прав. Я действительно собирался уйти в Лутай. С тамошними командующими Фэном и Ху я уже обо всём договорился. Стоит нам только объявиться там, они уж точно не обидят наших парней. В конце концов, мы идем в солдаты ради куска хлеба, надо же искать нормальное место, а не бесславно прозябать в роли сторожей при угольной шахте! — Ван Сицай поднял голову, его лицо пылало от стыда и гнева.

Это были его сокровенные мысли, разделяемые изрядной частью офицеров и рядовых.

Настроения в армии были крайне шаткими — пожалуй, лучше и не скажешь про нынешнее положение дел у Лэй Чжэня.

Стоило отряду под предводительством Лэй Чжэня прибыть в Кайпин, как многие солдаты, а порой и младшие командиры взводов и отделений принялись самовольно дезертировать.

Помимо тех, кто вовсе разочаровался в армейской службе, значительная часть беглецов устремлялась в Лутайский военный лагерь. Там располагались основные силы Не Шичэна: командующий центром генерал Фэн Ихэ и командующий тылом генерал Ху Дяньцзя держали оборону во главе почти семи тысяч солдат и офицеров армии Не. По сравнению с нигде не

числящимся и не имеющим официального статуса Лэй Чжэнем, старый Лутайский лагерь обладал куда большим притяжением.

Правда, случай, когда командир вроде Ван Сицая пытался увести целое подразделение в полном составе, произошёл впервые.

Раз появился прецедент, появятся второй и третий. Какими бы вескими ни казались аргументы Ван Сицая, Лэй Чжэнь ни в коем случае не мог позволить солдатам вот так самовольно покидать ряды.

— Ван Сицай, послушай меня: уйти или остаться — личный выбор каждого. Я, Лэй Чжэнь, не собираюсь никого принуждать следовать моим приказам. Но запомни одно: ты можешь решать только за себя самого, а не за других. Если тебе так хочется убираться — проваливай в одиночку! Но уйдут остальные солдаты или останутся, решать не тебе и не мне — они сами сделают свой выбор! — громко произнес Лэй Чжэнь на весь лагерь. В этот момент его переполняли самые горькие чувства разочарования и негодования.

Когда же китайский народ наконец сплотится воедино и поймет, что сила заключается лишь в единении?

Неужели китайцы действительно таковы, как говорят чужеземцы: поодиночке — дракон, а соберутся десятком, сотней или тысячей — превращаются в червей?

Если бы не то обстоятельство, что в боях с заморскими дьяволами Ван Сицай проявил себя храбрым воином, Лэй Чжэнь едва ли не готов был вытащить револьвер и пристрелить мерзавца на месте.

Однако в конце концов он сдержался.

Хотя это и позволило бы пресечь попытки бегства в зародыше, но вместе с тем посеяло бы среди солдат страх и отчуждение. Стоило недоверию и пропасти возникнуть между ними, как исправить что-либо стало бы непросто. Поэтому он всё же решил помиловать Ван Сицая.

— Благодарю наставника Лэй за то, что пощадил мою жизнь! Сегодня я, Ван Сицай, запомню твою милость и при удобном случае обязательно отплачу за неё. — Ван Сицай сложил руки в приветственном жесте, сгораемый от стыда опустил голову и бросился прочь сквозь толпу зевак.

С его уходом солдаты, собиравшиеся первоначально последовать за ним, остались стоять в растерянности, не зная, как поступить. Честно говоря, отправляться в Лутай им хотелось куда меньше, чем остаться здесь: в Кайпине по крайней мере не приходилось беспокоиться о еде, к тому же Лэй Чжэнь пообещал, что как только шахта возобновит работу и пойдут доходы, каждый охранник получит приличное жалованье.

В Лутэе же денег на выплату жалования не видели уже с полгода — идти туда означало зря тратить время.

Простые солдаты всегда рассуждали куда более прагматично, чем их командиры, и то, чем собирался заняться Лэй Чжэнь дальше, как раз и волновало бойцов больше всего.

Он понимал: если не решить незамедлительно насущные проблемы с жалованием, продовольствием и обмундированием, он очень скоро останется генералом без армии.

Пока посмертный приказ Не Шичэна ещё сохранял хоть какое-то влияние, нужно было действовать безотлагательно.

Отбирая бойцов в специальный отряд, прежде всего исключали тех, кто был слепо предан увядающей Цинской династии — участие таких людей в операции сулило лишь лишние риски и никакой практической пользы.

Во-вторых, отсеивали трусливых и нерешительных. Разбойничье ремесло требовало крепких нервов и постоянного риска головой: без капли отваги здесь делать было нечего.

После прохождения этих двух фильтров начался этап жесткого отбора: лучших стрелков, самых выносливых бегунов и тех, кто хорошо знал местность в Пекине и его окрестностях, зачислили в спецподразделение. После пересчета выяснилось, что в операции, включая самого Лэй Чжэня, примут участие четыреста девять человек.

Отобрать чуть более четырехсот человек из полтора тысяч — пропорция три к одному была не такой уж высокой, но боевые качества отряда возросли на целый порядок.

Чтобы гарантировать успех операции, Лэй Чжэнь не стал сразу вести этих людей в Пекин: до наступления войск оставалось еще больше месяца, и делать там сейчас было нечего. Цинская армия всё еще сохраняла немалую боеспособность, особенно ганьские войска Дун Фусяна — те самые прославленные цинские элитные части, которые ни в чем не уступали основным силам Не Шичэна. Лэй Чжэнь не собирался биться яйцом о камень.

Целых пятнадцать дней Лэй Чжэнь занимался исключительно тем, что гонял свой отряд через так называемые спецтренировки: они отрабатывали захват конкретных точек, конвоирование крупных партий грузов и засады против превосходящих сил противника — словом, репетировали всё, с чем могли столкнуться в реальном бою.

Тяжелый труд не пропал даром: по истечении двух недель, когда Лэй Чжэнь предстал перед Дун Фухэ и Чжоу Сюэси во главе этого спецотряда, выражения их лиц мгновенно изменились.

Пусть они и ничего не смыслили в военном деле, но даже им было очевидно, какие разительные перемены произошли с людьми за эти десять с лишним дней усиленной

подготовки!

— Уважаемые помощники управляющего, оставляю всё хозяйство на вас. Не беспокойтесь, не пройдет и месяца, как я вернусь и удивлю вас! — 3 августа на пристани Кайпина Лэй Чжэнь с улыбкой прощался с провожавшими его Дуном и Чжоу.

— Лэй-е, ты ведь вернешься? А то уйдешь — и с концами! — с сомнением глядя на сияющее широкой улыбкой лицо Лэй Чжэня, протянул Чжоу Сюэси. И было от чего сомневаться: для этого похода Лэй Чжэнь отобрал исключительно самых отборных головорезов, оставив в тылу лишь больных да стариков, так что со стороны всё выглядело так, будто Лэй Чжэнь собрался сколотить банду и податься в разбойники.

— Уйду и не вернусь? Ха-ха, всё может быть! А если серьезно, коль я и впрямь не вернусь, тогда Кайпинским горнодобывающим управлением будете безраздельно рулить вы вдвоем — красота же!

Громко рассмеявшись, Лэй Чжэнь оттолкнул ногой нос корабля.

Учитывая всю важность предприятия, личное руководство и участие Лэй Чжэня в операции подразумевалось само собой, так что ответственность за охрану кайпинского гнезда вполне закономерно легла на плечи Дун Фухэ и Чжоу Сюэси — двух дельцов, втайне мечтавших о несметных богатствах, которые вот-вот должны были свалиться с неба.

Ради сохранения секретности Лэй Чжэнь никому не открыл ни точный маршрут, ни детали плана спецоперации. Лишь однажды в шутиливой беседе он обмолвился обоим помощникам, что если те услышат весть о его возвращении, пусть немедленно организуют людей на помощь в перевозке ценностей.

Дун Фухэ и Чжоу Сюэси тогда лишь посмеялись над бреднями Лэй-е, решив, что при всей его безбашенности он всё же не станет покушаться на добро самой Старой Будды.

Ограбить имперскую казну — за такое светило немедленно лишиться головы!

Смертная казнь — это верно, но если задуманное грандиозное ограбление удастся провернуть, всегда найдется козел отпущения, который поможет Лэй Чжэню и его людям смыть с себя все обвинения. Разве мог кто-то лучше подойти на роль разбойников, чем Альянс восьми держав? Для императрицы Цыси, бежавшей на запад в панике от преследования чужеземцев, именно заморские дьяволы были первопричиной всех бед.

А все эти высокопарные рассуждения о том, чтобы «истощить материальные ресурсы Китая ради угодничества перед союзными державами», были лишь вынужденными словами старой карги после поражения. В глубине души Цыси по-прежнему склонялась к консервативной партии.

Судно мерно покачивалось на волнах, увозя с собой больше сотни настоящих мужей. Путь Лэй Чжэня лежал по воде: передвигаться на лодках было гораздо безопаснее, к тому же в дороге можно было отдохнуть — ведь по прибытии в Пекин их ждала уйма дел.

В то же время, дабы не привлекать лишнего внимания, Лэй Чжэнь разделил свой четырехсотый отряд на две партии. Первая группа бойцов тремя днями ранее под началом Сун Чжаньбяо уже выдвинулась в сторону Пекина.

После стычки с Ван Сицаем следов прежнего ранения у Сун Чжаньбяо как не бывало — этот малый и впрямь пылал здоровьем молодого быка, и его раны практически полностью затянулись.

Услышав о предстоящей крупной операции, Сун Чжаньбяо наотрез потребовал включить его в состав участников. Гибель Не Шичэна нанесла ему жестокий удар, а недавние слухи о том, что цинский двор не только не удостоил павшего полководца и его бойцов посмертных почестей, но еще и отдал остатки прорвавшейся Передовой армии под начало Ма Юйкуня, окончательно разочаровали его в династии.

Путь от реки Хайхэ до Тунчжоу, а затем вверх по Великому каналу до самого Пекина прошел на редкость гладко. Хотя на дорогах попадалось немало застав правительственных войск и ихэтуаней, досмотры проводились спустя рукава. В такое смутное время высшие чины попрятались неизвестно где, а оставшейся мелкоте не было никакого дела до проверки документов у проезжающих путников — в конце концов, лишь бы те не оказались иностранцами.

Что же касается ихэтуаней, то эти простые люди, согнанные под знамена местных храмов из окрестностей Пекина и Тяньцзиня, вовсе не горели желанием обыгрывать роли досмотрщиков. Куда больше их привлекали зрелища: когда же старшие братья продемонстрируют свое неуязвимое для клинков и пуль искусство и обратят чужеземцев в бегство, когда Святая мать Хуанлянь из общества Красных фонарей вознесется среди бела дня на небеса, чтобы они могли вдоволь насладиться зрелищем.

<http://bllate.org/book/21116/2142720>